

к источникам. Не меньшее осуждение у автора отзыва вызвала манера киевского историка использовать выводы других ученых: «Он так же без стеснения приписывает им то, чего они не говорили, если ему нужно...»¹. Подводя итоги, Веселовский высказал ряд мыслей касательно необходимости изменения общего положения дел в российской исторической науке. «Возможно ли было бы появление таких книг, если бы у нас, как на Западе, существовали специальные периодические издания исторической критики? — задавался он риторическим вопросом, — До сих пор у нас нет ни одного подобного органа. Разборы новых работ появляются случайно и разбросаны во множестве периодических изданий. Наше научное общественное мнение имеет преимущественно кабинетный характер. При таких условиях ценные работы иногда остаются незамеченными и подолгу не находят справедливой оценки, а с другой стороны, нередко появляются безнаказанно такие работы, авторы которых совершенно не имеют научных приемов»². Несмотря на такую рецензию, Сташевский защитил диссертацию в Киевском университете. Тем не менее, по словам В.И. Саввы, он теперь все-таки не мог «чувствовать себя победителем»³.

Через год Е.Д. Сташевский вынужден был ответить. Он отметал все обвинения в свой адрес, не признавая со своей стороны недобросовестного использования литературы и источников. Он даже назвал отзыв Веселовского «полупризнанием» своего исследования⁴. Тем не менее его оправдания были восприняты в научном мире скептически⁵.

В дискуссии со Сташевским отчетливо проявились научно-этические ориентиры Веселовского, который стремился к добросовестному историческому исследованию и требовал от других историков того же. Кроме того, видно, что ученый последовательно отстаивал идею коллективного контроля над научными исследованиями. В дальнейшем он неоднократно защищал эти мысли.

4. А.И. Яковлев: начало научного пути

Следующий представитель младшего поколения Московской исторической школы — Алексей Иванович Яковлев — родился 18 декабря 1878 г.

¹ Там же. С. 375.

² Там же. С. 380.

³ В.И. Савва — С.Б. Веселовскому. 29 ноября 1913 г. // Переписка С.Б. Веселовского... С. 366.

⁴ Сташевский Е.Д. Ответ С.Б. Веселовскому // ЖМНП. Новая серия. Ч. 50. 1914. С. 380–385.

⁵ П.П. Смирнов — С.Б. Веселовскому. 17 апреля 1914 г. // Переписка С.Б. Веселовского... С. 327.

в Симбирске в семье известного чувашского просветителя Ивана Яковлевича Яковлева. Детство будущего историка проходило под пристальным вниманием его отца. По воспоминаниям И.Я. Яковлева: «Сын мой Алексей в детстве и юности был мечтательным, иногда слишком рассеянным, в обыденной жизни веселым, жизнерадостным мальчиком»¹. Отец с детства подметил в мальчике способность к гуманитарным наукам. Следуя своим педагогическим принципам, И.Я. Яковлев постарался дать сыну классическое образование, которое, по его мнению, должно было способствовать будущей карьере ученого. Особенно хорошо его сыну давались древние и иностранные языки: еще до поступления в гимназию он прочитал основные памятники древнегреческой и латинской литературы в подлинниках. Любовь к древней литературе перешла в интерес к ушедшему прошлому. Как пишет И.Я. Яковлев: «Любовь к истории в нем проявилась в детстве: он рано стал с интересом читать книги исторического содержания»². Но не только языки и история увлекали младшего Яковлева — большой интерес вызывала и философия. Прочтя в детстве и юности труды многих философов, Яковлев тем самым заложил в себе основы к теоретическому мышлению. Большое значение в жизни будущего историка играла религия, к которой он относился очень серьезно. Высокая образованность сочеталась в А.И. Яковлеве с глубокой религиозностью, которую он сохранил на всю жизнь.

Поступив в местную гимназию, Яковлев быстро проявил себя с лучшей стороны: получал хорошие отметки, в учебе отличался прилежанием³. Но из-за конфликта с классным руководителем, которого Яковлев обвинил в том, что тот «подтягивает» учеников за деньги, он окончил гимназию без медали. После окончания среднего учебного заведения молодой человек, уже определившийся со своим будущим, поступил в 1896 г. в Московский университет на историко-филологический факультет. Особенно привлекало выпускника то, что на факультете читал лекции знаменитый Ключевский, с чьими литографированными лекциями он познакомился еще во время гимназической учебы⁴. Еще до окончания гимназии Яковлев попросил своего знакомого Николая Алексеевича Покровского, обучавшегося на историко-филологическом факультете Московского университета, поделиться своими впечатлениями о занятиях у Ключевского. В ответ он получил восторженное письмо, в котором мэтр-историк превозносился до небес⁵.

¹ Яковлев И.Я. Моя жизнь. М., 1997. С. 388.

² Там же. С. 392.

³ АРАН. Ф. 665 (А.И. Яковлева). Оп. 1. Ед. хр. 214.

⁴ Там же. Ед. хр. 199. Л. 1.

⁵ АРАН. Ф. 640 (В.О. Ключевского). Оп. 1. Ед. хр. 8.

В Москве, по рекомендации друга своего отца, А.П. Покровского, Яковлев был представлен И.Д. Цветаеву, который взял его под покровительство¹. Благодаря знакомству с Цветаевым Яковлев стал вхож в круги московской интеллектуальной элиты, сохранив со своим покровителем хорошие отношения до его смерти.

В Московском университете начинающий историк попал в неповторимую атмосферу. Лекции по русской истории продолжал читать В.О. Ключевский. В своих воспоминаниях о великом историке Яковлев писал: «В аудитории не особенно людной (налицо было тогда 50-т человек) идет обычный гомон, разговоры, беготня, перекидывание замечаниями и шутками. Но вот наступает положенная лекция в 12.20, дверь открывается и в аудиторию входит согнутая фигура невысокого худощавого человека в виц-мундире, с сединой в гладко причесанных волосах, зачесанных слева на право, и в жиденькой бороде. Под мышкой у старичка огромный портфель нагруженный записками, тетрадями, листочками, книгами, брошюрами, рукописями. Аудитория сразу стихала. Поднявшись на кафедру, Василий Осипович сначала протирает свои очки, а затем погружается на несколько секунд в просматривание своих вынутых из портфеля листков и потом начинает свое изложение. Аудитория замирает на 50 минут (В[асилий] О[сипович] всегда первую лекцию прочитывал). В течение которых звучит его спокойная, отчетливая, прозрачная как хрусталь, грамматически безукоризненная речь, про которую говорить „будет просто, когда поработаешь со сто“. Ни одного небрежного, грубого, вычурного неуклюжего оборота: спокойная, отчетливая, обдуманная, взвешенная, отдыхающая простота, разворачивающая пред зрителями одну картину за другой. Речь В[асилия] О[сиповича] пленяла своей изумительностью оценки, отсутствием в ней всякого лишнего слова, той художественной простотой»². Начинающий историк оказался полностью очарован исторической схемой Ключевского, в общем-то, следуя ей на протяжении всей своей жизни. В своих воспоминаниях Бахрушин по этому поводу замечал: «Талантливый и яркий А.И. Яковлев, сверкавший оригинальностью и творческой гениальностью своих суждений, всегда умевший подходить к любому вопросу со своей, всегда тонкой и глубокой точки зрения, и тот говорил мне по поводу попыток некоторых приват-доцентов вносить „поправки“ в схе-

¹ Яковлев И.Я. Указ. соч. С. 355.

² АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 4–6. Опубликовано: Тихонов В.В. «Если ты хочешь услышать этого великого ученого и мастера слова, то приезжай в Москву»: Воспоминания А.И. Яковлева. (К 170-летию В.О. Ключевского) // Вестник архивиста. 2011. № 2. С. 138–144.

му Василия Осиповича, что для него непонятно: „Надо либо целиком ее принимать как она есть, либо строить курс по совершенно новому плану, как сделал Милюков“»¹.

Именно под руководством Ключевского Яковлев еще на первом курсе написал первое самостоятельное историческое исследование — «Вопрос о крепостных крестьянах в „Комиссии для сочинения проекта нового уложения“ 1767–1768 гг.»². Начиная историк остановился на этой проблеме из-за ее слабой изученности, а также актуальности самого крестьянского вопроса. В своей работе он стремился рассмотреть три аспекта: 1) «как смотрело правительство на крепостное право»; 2) «как смотрели на крепостное право сами сословия и чем обуславливались эти воззрения»; 3) «что на самом деле представляло из себя крепостное хозяйство в XVIII в.»³.

В начале исследования автор обратился к вопросу о происхождении крепостного права. Здесь он оттолкнулся от мысли В.О. Ключевского о том, что крепостное право как юридическая категория имело своими истоками право холопье⁴. «На крепостное право переносятся все приемы холопией неволи... Крепостное право было экономической категорией, выросшей из прежних способов обработки земли». Переход от холопьяго к крепостному труду автор объяснил тем, что «возделывание земли руками холопов-рабов, как наиболее суровый вид принудительного труда, сделалось менее выгодным, нежели обработка посредством труда, оплачиваемого земельным наделом, предоставляемому крестьянину»⁵.

Закрепощение крестьян историк, вслед за Ключевским, связывал с «повсеместным задолжанием крестьян помещикам путем долгого и медленного процесса»⁶. Успех закрепощения автор объяснил тем, что здесь совпали интересы как государства, которому нужны были тяглыцы, так и помещика. По Яковлеву, функция законодательства в сфере крепостного права менялась со временем. Если первоначально оно «направлялось нуждами всего государства», которому необходимы были средства на поддержание армии в боевой готовности, то в XVIII в. крепостное право «окончательно приобрело характер частного института», обслуживавшего интересы дворянства.

¹ Бахрушин С.В. Из воспоминаний / Публ. А.М. Дубровского // Проблемы социальной истории Европы: От античности до Нового времени. Брянск, 1995. С. 158–159.

² АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 1.

³ Там же. Л. 211 об.

⁴ Ключевский В.О. Происхождение крепостного права в России // Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. М., 1990. Т. VIII. С. 124, 192.

⁵ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 213–213 об.

⁶ Там же.

В XVIII в. крепостное право, по мнению исследователя, стало служить интересам исключительно дворянства, придя в противоречие с нуждами государственного развития: «...Интересы государства прямо нарушались крепостным правом: 1. повинности в пользу владельца лишали возможности правительство увеличивать прямые налоги, заставляя его входить в прямые долги; 2. крепостное право поддерживало ненормальную густоту населения на нечерноземной полосе...»¹.

Ситуацию можно было изменить после «Манифеста о вольности дворянства», так как с освобождением дворян от обязательной службы исчезла обязанность государства гарантировать им бесплатную рабочую силу (крепостных) для экономического поддержания их работы на государство. Тогда правительство имело полное юридическое и моральное право отменить крепостную зависимость. Но, как отмечал автор, «власть у нас продолжала быть неограниченной и самодержавной, но лица, облеченные этой властью были как бы оторваны от нее, случайно попав на самодержавный трон, они сидели на нем нетвердо»². Поэтому императорская власть была не в силах отменить институт крепостного права, не рискнув вызвать серьезное недовольство дворянства — сословия, от которого оно всецело зависело. Когда правительство Екатерины II инициировало созыв Уложенной комиссии, ему пришлось считаться со всем вышесказанным.

Как отмечал Яковлев, сама Екатерина II была последовательной сторонницей отмены крепостного права, и если бы она проявила достаточно твердости, то вполне могла бы «продать» законопроект если не об его отмене, то хотя бы о существенном ограничении. Но «она по природе отличалась гибким характером, да и привыкла гнуть его по требованиям обстоятельств»³.

В своем исследовании Яковлев рассмотрел позиции различных социальных групп в Уложенной комиссии по вопросам крепостного права. Он заметил, что изначально «крепостной вопрос... был поставлен в очень неблагоприятные условия, так как в комиссии не было депутатов от крепостных и возбуждение его было предоставлено на произвол дворян и других сословий»⁴. Дворянство в массе своей признавало нормальным существующее положение дел. Тем не менее оно «не развилось еще до осознания юридической неприкосновенности своих привилегий, оно не успело сомкнуться настолько, чтобы потребовать от правительства каких-либо новых преимуществ... и только умело просить об укреплении

¹ Там же. Л. 220.

² Там же. Л. 228 об.

³ Там же. Л. 229.

⁴ Там же. Л. 230–230 об.

и выяснении своих прежних прав»¹. Но были случаи, когда помещики сами ратовали за ослабление крепостного порядка. С точки зрения историка, причины этого заключались в экономической сфере, поскольку более свободный крепостной приносил больше дохода своему владельцу. Купечество также не стремилось поддержать отмену крепостного права. Единственным чаянием купеческого сословия было получение дворянских привилегий, что свидетельствовало об отсутствии развитого самосознания у купечества.

Таким образом, по мнению Яковлева, деятельность Уложенной комиссии наглядно показывает, что русское общество еще не было готово к отмене крепостного права. Те немногочисленные проекты, в которых речь шла об ограничении прав помещика на крестьян, рассматривали крепостное право с экономической точки зрения. Автор выделил две группы таких проектов: в первую он отнес те, где предлагали предоставить крестьянам свободу без земли, во вторую — те, где предполагалось предоставить землю без личной свободы². Таким образом, Яковлев сделал вывод, что нерешительность правительства и неготовность общества не позволили достичь в работе Уложенной комиссии прогресса в вопросе крепостного права.

За эту работу Ключевский поставил начинающему историку высшую оценку «весьма удовлетворительно» и присудил золотую медаль на конкурсе студенческих работ³. Так же высоко было оценено исследование Яковлева «Пьер Бейль как предшественник века Просвещения», написанное на четвертом курсе, за которую профессор кафедры зарубежной литературы Н.И. Сторожевский присудил автору серебряную медаль⁴.

Показав себя незаурядным и трудолюбивым исследователем, Яковлев, тем не менее, не замыкался исключительно на учебе. В конце XIX — начале XX в. обстановка в общественной среде Российской империи накалилась. Контрреформы Александра III и нежелание нового правителя Николая II идти на уступки требованиям общественности создали ситуацию, когда малейший повод мог привести к открытым проявлениям недовольства. В авангарде антиправительственного движения традиционно стояло университетское студенчество. Не избежал подобных настроений и Яковлев.

К этому времени относится его увлечение марксизмом. Блестяще владея многими иностранными языками, Яковлев перевел с немецкого языка работу В. Зомбарта «Социализм и социальное движение

¹ Там же. Л. 234.

² Там же. Л. 278 об.

³ Там же. Ед. хр. 274. Л. 18.

⁴ Там же. Ед. хр. 2.

в XIX веке» и труд Т.С. Пепина «Страна рабочих клубов»¹. В 1899 г. в стране началась всеобщая студенческая забастовка из-за ужесточения университетских правил, в которой Яковлев активно участвовал². Он входил в Исполнительный комитет бастовавших студентов Московского университета. Из-за инцидента со студентом Дурново, которого Яковлев ударил за то, что тот призывал завершить забастовку, его исключили из университета³. В ночь на 11 апреля в квартире Яковлева был проведен обыск и изъяты письма и книги, а сам историк вскоре уехал домой в Симбирск. Его переводы социалистических книг были уничтожены⁴. Первоначально предполагалось навсегда исключить его из университета: ректор Д.Н. Зернов даже подписал соответствующие бумаги. Но на защиту Яковлева встали весьма влиятельные люди. О его прощении ходатайствовали И.Д. Цветаев и В.О. Ключевский. Другом Яковлева был С.А. Попов, племянник Д.Н. Зернова, что тоже способствовало благополучному решению дела. Сохранилось письмо Яковлева своему учителю, где он утверждал, что не имеет никакого отношения к студенческому движению⁵ (хотя другие документы свидетельствуют об обратном). За Яковлева перед В.О. Ключевским просили студенты⁶, а сам он послал Д.Н. Зернову письмо, где говорил: «Он написал прекрасное сочинение по русской истории для соискания медалей, когда еще состоял на 1-м курсе: редкий случай в истории русских университетов... По неоднократным беседам с ним я составил себе понятие о нем как о благовоспитанном и образованном молодом человеке, даровитом и вдумчивом, с живой научной наблюдательностью... Если Вы поможете смягчению его вины и возможному облегчению постигшей его кары, Вы, может быть, спасете прекрасного работника для русской науки и школы. Я со своей стороны готов вполне поручиться за его благонадежное поведение по возвращении в Московский университет»⁷.

Благодаря заступничеству профессуры Яковлева вернули в Московский университет, который, несмотря на все перипетии, он благополуч-

¹ Там же.

² Подробнее см.: *Гусятников П.С.* Революционное студенческое движение. М., 1971. С. 35–38; *Соломонов В.А.* Об участии московского студенчества в первой всероссийской забастовке 1899 года // *История России: диалог российских и американских историков.* Саратов, 1994. С. 148–155.

³ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 80. Т. 1; Д. 408.

⁴ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 390. Л. 10 об.

⁵ НИОР РГБ. Ф. 131 (В.О. Ключевского). Ед. хр. 76. Л. 1.

⁶ *Ключевский В.О.* Дневники и дневниковые записи // *Ключевский В.О.* Сочинения в 9 томах. М., 1990. Т. IX. С. 311.

⁷ Там же. С. 489.

но окончил в 1900 г., удостоившись диплома первой степени¹. Впоследствии он не принимал активного участия в общественно-политической жизни страны, хотя и отличался самостоятельными взглядами. После окончания университета перед ним встал выбор: начать карьеру ученого или посвятить себя другому делу. В.О. Ключевский настоятельно рекомендовал оставить его при факультете для подготовки к профессорскому званию. Свою поддержку выразил отец, обещав всячески помогать сыну в первое, самое трудное время начала его профессиональной научной деятельности: «Я с своей стороны считаю за лучшее остаться тебе при университете, у Ключевского, и с своей стороны готов высылать тебе ежемесячно до 60–65 рублей, только бы ты занимался и поскорее выдержал магистерский экзамен»².

Получив поддержку, молодой историк в течение трех лет готовился к магистерским экзаменам, которые он успешно сдал к 1904 г. После чтения пробных лекций его пригласили работать в Московский университет на должность приват-доцента. Началось время активной педагогической и научной работы. В университете он вел курсы по историографии и методологии истории, а также ряд отдельных семинаров, например, по истории крестьянства в XIX в.³ Интерес к теоретическим вопросам исторического познания выразился в том, что молодой историк начал писать фундаментальное методологическое исследование под названием «Эгерсис». Работу над этим исследованием ученый не прекращал на протяжении практически всей своей жизни.

Большой интерес представляет его историографический курс. В личном архивном фонде историка остались программы и планы его семинариев по русской историографии, проведенных в Московском университете в октябре 1907 г.⁴ Кроме того, сохранились лекции, читанные на высших женских курсах в 1908/1909 г.⁵ Лекции являли собой не всегда систематизированные заметки, планы и выписки касательно истории отечественной исторической науки. Яковлев не писал лекцию целиком от начала до конца, а набрасывал план выступления, делал выписки из источников, располагая их в необходимой последовательности, чтобы воспроизвести необходимую цитату в нужный момент. Очевидно, что он работал над лекционным материалом неоднократно. Первый комплекс материалов помещен в левой части листов, на которых писались лекции, и написан чернилами. Для последующих дополнений оставлены широкие поля,

¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 310. Д. 1102. Л. 6.

² Яковлев И.Я. Письма. Чебоксары, 1985. С. 237.

³ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 121.

⁴ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 169.

⁵ Там же. Ед. хр. 123.

занимающие практически половину листа. Синим карандашом на полях оставлены заметки, в которых мы находим замечания, размышления и оценки Яковлевым деятельности тех или иных историков, школ и направлений.

В 1938 г., очевидно, на основе своих дореволюционных учебных курсов Яковлев прочитал лекции по истории исторической науки. До нас дошли стенограммы двух его выступлений: о В.Н. Татищеве и Н.М. Карамзине¹. Учитывая общность происхождения, мы вправе рассматривать (с определенными оговорками) до- и послереволюционные материалы как единый комплекс.

Изучение истории исторической науки Яковлев вел с учетом достижений своих предшественников. Он мог опереться на известные работы С.М. Соловьева, П.Н. Милюкова, М.О. Кояловича, В.С. Иконникова. Прослушал он и неопубликованный курс лекций по русской историографии В.О. Ключевского. Несмотря на то что в трудах указанных авторов Яковлев почерпнул многое из того, что составило основу его историографических взглядов, немало в его выводах было и индивидуальных черт.

Вначале стоит отметить, что Яковлев давал достаточно широкое толкование термина «историография». Фактически он понимал под ним не только историю исторического знания, но и развитие источниковой базы, и методологию исторической науки. Так, в программах его семинаров значительное внимание уделено источникам русской истории и методам их анализа². Впрочем, подобный подход к историографии был вполне типичным для того времени, когда историографию часто смешивали с источниковедением, не видя между ними принципиальных отличий.

Историю исторического знания Яковлев начинал с летописного периода, который продолжался с XI до XVII в. Исследователь отмечал компилятивный характер летописных сводов. В основу определения дальнейшей эволюции историк положил формальный принцип компоновки материалов. Он определил ее как «спрессование» огромных, непригодных для индивидуального чтения сводов в более компактные сочинения общего характера.

Типичным примером такого произведения был «Синописис», основанный на произведении Феодосия Сафоновича. По мнению исследователя, Сафонович, воспитанный в западнорусской традиции, «поставил себе задачу переработать польскую схему в схему русскую»³, но так и не сумел отойти от западнорусской традиции и создать исто-

¹ Там же. Ед. хр. 151.

² Там же. Ед. хр. 169. Л. 1.

³ Там же. Ед. хр. 151. Л. 4–5.

рический труд общерусского характера. Поэтому «Синописис», по существу, освещал историю Западной Руси. С точки зрения Яковлева, в «Синописисе» преобладали два мотива: мотив библейский и мотив борьбы с татарами¹. Среди главных недостатков данного сочинения, как и всей историографии XVII в., историк называл фрагментарность изложения и опору не на летописи, а на их пересказ в различных польских исторических сочинениях. Поэтому основной задачей последующих историков в XVIII в. должно было стать изучение летописного материала.

Анализируя ход развития отечественной историографии в XVIII в., Яковлев, вслед за П.Н. Милюковым², отмечал огромное влияние «Синописиса». Данная работа в первую очередь определяла политическую направленность исторических трудов: «религиозно-националистическая игра света, брошенная „Синописисом“, на все протяжении столетия идет независимо и вне всякого влияния со стороны научной разработки исторической темы»³.

Историк, следуя традиционным представлениям, открывал XVIII в. деятельностью В.Н. Татищева. Он считал, что работу этого ученого определяли общие условия развития отечественной исторической науки. Так, в его трудах возобладал прагматический подход к изучению прошлого, столь характерный для петровского времени. В историческом исследовании Татищев видел в первую очередь ответ на злободневные вопросы современности. По мнению Яковлева, он еще не был готов изучать историю с научной точки зрения. Причиной этому было то, что «для развития нужны традиции, нужна соответствующая среда»⁴. Но когда Татищев начинал свою деятельность, этой среды не было. Запросы времени были совершенно иными. Отсутствие соответствующей среды и традиции привело и к тому, что у Татищева не было цельного взгляда на русскую историю. «У Татищева нет общих идей. Его история — лучший образец того, что может быть сделано при помощи одного трудолюбия без общих понятий и идей»⁵, — отмечал Яковлев. По мнению автора, Татищев не различал исторического исследования и исторического источника. Подводя итоги, он написал: «Труд Татищева — сложная мозаика небольших диссертаций, трактатов, подготовительных исследований, объединенных в хрестоматию механически. Его работа — настоящая историческая

¹ Там же. Л. 6.

² Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 2006. С. 22.

³ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 53.

⁴ Там же. Ед. хр. 123. Л. 47.

⁵ Там же. Л. 49 об.

кунсткамера»¹. Несмотря на это, Яковлев подчеркивал значение труда Татищева как первый опыт создания целостной истории России.

В лекции 1938 г. ученый большое внимание уделил проблеме так называемых «татищевских известий», т. е. вопросу достоверности приводимых Татищевым сведений. Он утверждал, что нет причин не доверять «отцу русской историографии», а все недоразумения происходят от несовершенства научной методики Татищева: «Он известий не сочинял и не придумывал, а только не умел разобрать их в перспективе и грубо соединял, не задумываясь, из какого источника он их берет»².

Отдельные замечания мы находим и о «риторическом направлении», представителями которого были М.В. Ломоносов, Ф. Эмин и И.П. Елагин. По мнению Яковлева, оно возникло как ответ на придворные запросы эпохи Елизаветы: «В чаду дворцового праздника и сложился особый исторический жанр»³. Причем историк отмечал, что работы М. Ломоносова были стилистически выше, чем работы Ф. Эмина и И. Елагина.

Значительное внимание уделено А.Л. Шлецеру. Заслугой немецкого историка Яковлев считал то, что он познакомил отечественную историографию с достижениями современной ему европейской исторической науки. Он дал образец работы с летописным материалом. Тем не менее, по мнению Яковлева, Шлецер, предложив плодотворные приемы анализа древних летописей, сделал совершенно неверные выводы. «У Шлецера мы научились приемам изучения летописи, но он не оставил нам верного взгляда на самую летопись»⁴. Еще одним достижением Шлецера стало рассмотрение истории России сквозь призму всемирно-исторического развития. В данном подходе Яковлев видел зачатки сравнительно-исторического метода.

Подводя итоги рассмотрению эволюции исторического знания в XVIII в., Яковлев традиционно делил историков на русских и немецких. Он отмечал, что «работа немецких исследователей шла более сосредоточенно и концентрированно»⁵. Каждый из них внес определенный вклад в развитие отечественной историографии. Г.З. Байер исследовал иностранные источники, Г.Ф. Миллер сконцентрировал свое внимание на розыске и изучении русских источников, а А.Л. Шлецер — на источниковедческом анализе летописей.

Если русские историки пытались дать обобщающие исследования по русской истории, то немецкие, с присущим им профессионализмом,

¹ Там же.

² Там же. Ед. хр. 151. Л. 32.

³ Там же. Ед. хр. 123. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 32 об.

⁵ Там же. Л. 53 об.

сконцентрировались на изучении конкретных тем. Они поняли, что только это «может вывести науку вперед из заколдованного круга общих рассуждений и слов»¹. Из русских историков только И.Н. Болтин приблизился к данному подходу. По мнению Яковлева, И.Н. Болтин усвоил или самостоятельно дошел до современных ему методов исторического исследования, но он не дал систематического анализа русской истории.

Таким образом, по мнению Яковлева, развитие исторического знания в России XVIII в. шло по пути «спрессования»: от обширных летописей исследователи перешли к обобщающим работам по русской истории, а затем назрела необходимость монографического изучения.

Переход от XVIII в. к новой эпохе историк связывал с Н.М. Карамзиным. Существенным подспорьем в работе Карамзина было то, что он уже имел предшественников, на труды которых мог опереться. Но историограф не сумел дать научной картины развития русской истории, поскольку писатель в нем нередко брал верх над историком. Тем не менее Яковлев считал, что деятельность Карамзина получила незаслуженно низкую оценку в историографических исследованиях. Основная задача Карамзина состояла в собирании и систематизации нового материала, и он с ней справился. «„Две полки“ изданного материала — великое их значение не только в смысле напечатания, но главное — отыскания и приведения в порядок. Он впервые сделал известной эту обработку. Надо было срастить этот материал, сделать работу синтеза»². Труд Карамзина заменил «Синописис», дав обобщенную картину, с которой могли работать последующие историки. К сожалению, Карамзин, впитав в себя достижения предыдущей историографии, не усвоил новейших методов изучения истории — отсюда слабые стороны его «Истории Государства Российского». Несмотря на это, именно труды «Колумба древностей российских» способствовали расцвету отечественной исторической науки. Он дал как готовый материал для размышлений, так и, сам того не желая, объект для критики.

С точки зрения Яковлева, главная причина непреходящего успеха трудов историографа заключается в том, что «Карамзин, может быть, часто людей понимал по-своему, но он людьми интересуется, за это ему были благодарны, за это его будут читать»³. Яковлев отмечал, что историку нельзя забывать, что история творится конкретными людьми. Профессионал не должен превращать знание о прошлом в безличный процесс.

Ответом на недостатки и перегибы «Истории государства Российского» стало появление скептического направления. Во главе «Скептической

¹ Там же.

² Там же. Л. 65.

³ Там же. Л. 67 об., 82 об.

школы» встал М.Т. Каченовский. По характеристике Яковлева, это был «талантливый, но без школы замотавшийся человек»¹. Каченовский перенял новейшие достижения западной историографии, в частности идеи Б.Г. Нибура и Ф.К. Савиньи, но не вполне сумел их применить на практике. «Он начал критиковать в кредит, во имя идеи органического развития, в то время, когда ни понимания, ни изображения этого органического развития еще не было. Это был математический прием — предполагали, что „А“ есть величина извечная»².

И все же «Скептическая школа» обогатила русскую историческую науку новыми идеями, главными из которых были сравнительно-исторический анализ и органическое развитие общества. Впоследствии произошел распад школы: «Скептицизм был критикой во имя идеи органического развития. В дальнейшем, группа учеников Каченовского этот синтез разложила: одни ударились в скептицизм, другие стали применять идею органического развития»³.

Среди оппонентов Карамзина Яковлев отмечал и П.А. Полевого. В то же время он разграничивал труды последнего и деятельность «Скептической школы». Полевой отразил многие черты, присущие его времени. Как и скептики, он скорее поставил вопросы, чем успешно решил их. «Он говорит о сравнении, об органическом росте, о критике, но не дает ни того, ни другого, ни третьего»⁴, — резюмирует Яковлев.

Дальнейшее развитие отечественной историографии в дореволюционном рукописном курсе лекций Яковлева очерчено весьма фрагментарно. Практически исчезают пометки, несущие основную смысловую нагрузку, остаются только цитаты. Впрочем, надо отметить, что развитие государственной школы он, судя по его указаниям, давал по П.Н. Милюкову. Большое внимание он уделил славянофильству. Он разделил это течение на два поколения: старшее и младшее. К младшему поколению были причислены Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев. Яковлев считал, что их исторические построения не соответствуют реальности и являются философскими спекуляциями. В данной позиции прослеживаются взгляды и самого Яковлева, который придерживался позитивистской методологии и считал, что Россия в своем развитии повторяет путь Западной Европы, а это противоречило взглядам указанных мыслителей.

А.И. Яковлев, несмотря на то что историография никогда не была главным направлением его исследований, оставил интересное наследие в области истории исторической науки. Во многом он продолжал тра-

¹ Там же. Л. 105.

² Там же. Л. 111.

³ Там же. Л. 112.

⁴ Там же. Л. 117 об.

дицию историографических работ Московской исторической школы, в первую очередь П.Н. Милюкова¹. Главным объектом его анализа стали не отдельные историки, а школы и направления. Пристальное внимание ученый уделял выявлению преемственности. Он всегда старался определить социально-политические предпосылки появления историографических течений, тем самым показав сложный и многообразный процесс создания исторических знаний.

Одновременно с Московским университетом он преподавал на Московских высших женских курсах. Под его редакцией вышли в качестве учебных пособий сборники документов для студентов Московского университета и слушательниц курсов². В Московском университете молодой преподаватель сразу стал заметной фигурой. Впоследствии своим учителем его считали такие известные историки, как А.А. Новосельский и Б.Б. Кафенгауз, учившиеся в то время в университете. В советское время в одном из своих писем Яковлеву уже маститый ученый Б.Б. Кафенгауз вспоминал: «Я перенесся мысленно к зиме и весне 1915–1916 гг., когда я студентом занимался у Вас на семинаре по освобождению крестьянства. Я перешел к Вам после двух лет интересных и полезных занятий у Михаила Михайловича Богословского по истории Пскова XIV–XV вв. и истории крестьянства в XVII в. на Севере. Захотелось после этого заняться историей XIX в., и к тому же Ваш семинар явился для меня продолжением занятий историей русской деревни... Вы отнеслись ко мне очень внимательно. Я написал большой реферат по новым, недавно тогда лишь изданным материалам Государственного совета и Главного комитета. И когда я пришел к Вам на дом на Волхонку за своей работой, Вы ее одобрили. Впоследствии Вы с Ю.В. Готье представили меня за эту работу к премии от историко-филологического факультета. И товарищи стали говорить, что я буду научным работником. Работа над рефератом и Ваше одобрение доставили мне тогда много радости — все это, как видите, не забывается, и студенческие впечатления остаются на всю жизнь»³. Вообще Яковлев имел редкий педагогический дар увлекать молодежь научной работой. В семинариях ученого занимался и в будущем крупнейший русско-американский историк Г.В. Вернадский⁴.

В скором времени после начала научной и преподавательской карьеры молодой ученый женился на выпускнице Казанской художественной

¹ Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX до 1917 г. М., 1983. С. 120.

² *Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства* / Под ред. А.И. Яковлева. М., 1909.

³ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 2 – 2 об.

⁴ *Вернадский Г.В. Из воспоминаний* // ВИ. 1995. № 1. С. 132.

школы Ольге Петровне Приклонской, талантливой художнице, авторе знаменитого карандашного портрета В.О. Ключевского. В 1906 г. у молодой четы родилась дочка Наталья (всего у Яковлева и Ольги Петровны за их долгую совместную жизнь родилось трое детей¹). После этого остро встал вопрос о необходимости содержать семью. Благодаря хорошим отношениям с Ю.В. Готье в 1906 г. Яковлев устроился работать в Румянцевском музее на должность старшего помощника библиотекаря². Тем не менее напряженная деятельность не приносила материального благополучия: семейство Яковлева оставалось небогатым. Неустроенность быта, однако, не мешала историку помогать приезжим коллегам. В письме А.Е. Преснякова от 18 декабря 1909 г. находим следующую запись: «У Алексея Ивановича — тесно, у него народу много, а какого — определить не очень умею... В комнате, где я помещаюсь, работает за столом Алексей Яковлев»³.

Параллельно с работой в музее историк продолжал научно-исследовательский труд. Яковлева в первую очередь интересовали малоработанные темы, требующие большой архивной работы. На долгие годы Московский архив Министерства юстиции становится его вторым домом. Он увлекается разбором архива Приказа сбора ратных людей, активно изучает проблемы истории русской колонизации. В это время окончательно складываются научные интересы и исследовательский почерк ученого. В методологическом плане он, в основном, придерживался позитивизма. Для работы историка характерной чертой становится стремление исследовать как можно больше архивного материала, предельно насытить свои работы фактами. Центром его научных изысканий становится XVII в. — эпоха во всех отношениях переходная. В это время в истории России происходит, с одной стороны, зарождение и медленное развитие тех общественно-экономических явлений, которые станут определять историю России XVIII в., а с другой — доживают свой век архаические элементы московской социально-политической системы. Яковлева интересовало в первую очередь последнее.

В ходе работы Яковлев сблизился с глубоким знатоком московских архивов, С.Б. Веселовским. Между ними установились дружеские и подчеркнута уважительные отношения. С.Б. Веселовский в то время активно трудился над изучением сошного письма (системы налогообложения в Московском царстве). Эта проблема оказалась близка Яковлеву в связи с изучением деятельности Приказа сбора ратных людей и разверстки на-

¹ *Краснов Н.Г.* Иван Яковлев и его потомки. Чебоксары, 1998. С. 309.

² *Коваль Л.М.* Князь В.Д. Голицын и Румянцевский музей. М., 2007. С. 104, 112 и др.

³ *Пресняков А.Е.* Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2005. С. 656.

логов на содержание Засечной черты. Веселовский стал постоянным собеседником и консультантом ученого.

В 1909 г., в связи с тридцатилетием педагогической деятельности В.О. Ключевского, в научных кругах возникла идея опубликовать в честь этого события сборник. В подготовке сборника Яковлев, который до конца жизни сохранил благоговейное отношение к В.О. Ключевскому, сыграл одну из ключевых ролей, решая массу проблем организационного характера¹. Именно в сборнике в честь В.О. Ключевского была опубликована первая крупная работа Яковлева — статья «Безумное молчание».

Исследование было посвящено массовой психологии периода Смутного времени, в ней историк обратил внимание на «психологическое перерождение общества». Психологические аспекты Смутного времени отмечались еще С.М. Соловьевым, В.О. Ключевским и С.Ф. Платоновым, но в работе тогда еще молодого, начинающего историка они получили конкретно историческое содержание. Если С.М. Соловьев исходил из абстрактной мысли падения общей нравственности в результате опричнины², то Яковлев на основе источников показал сложный путь перерождения массовых настроений, тесно связав их с ходом Смуты. Ключевым термином, которым в данном случае оперировал автор, был термин «общественное сознание». Еще В.О. Ключевский указывал на изменение «политического сознания» после событий Смутного времени³. Но Яковлев в данном случае выбрал более нейтральный и уместный термин, который указывал не на осмысленную политическую позицию, а именно на сознание, в котором выделяется и иррациональная составляющая.

С его точки зрения, «русские люди пережили в Смуту сложный психологический перелом... Начав Смуту очень беспечно, с легким сердцем пустившись в авантюры самозванщины, они кончили Смуту с прояснившимися в их сознании понятиями общего блага, отечества и государства»⁴. Автор проследил, как менялось массовое сознание в данный период. Если вначале письменные памятники рассматривали Смуту как «умножение грехов», т. е. в русле традиционных провиденциальных концепций, то по мере развития кризиса в источниках появляется идея «общественной ответственности и общественной организации», когда вина за грехи падает на всех. Тем самым в обществе родилось стремление

¹ *Богословский М.М.* Ключевский — педагог // Богословский М.М. *Историография, мемуаристика, эпистолярная.* М., 1987. С. 62.

² *Иллерицкий В.Е.* Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980. С. 123.

³ *Ключевский В.О.* Курс лекций по русской истории // *Сочинения* в IX томах. Т. III. М., 1988. С. 62–63.

⁴ *Яковлев А.И.* «Безумное молчание» // *Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому.* М., 1909. С. 652.

исправить положение дел. Более того, по мнению автора, «прояснение в руководящих элементах русского общества идеи ответственности сделалось, вероятно, поворотным моментом в развитии событий Смуты... почувствовав себя ответственными за политический порядок, они не могли не почувствовать себя и хозяевами его»¹.

В статье Яковлева мы наблюдаем понимание и того, что менталитет людей ушедших эпох отличался от психологии современного человека. «Итак, современники Смуты видели источник ее не столько в политических или экономических кризисах XVII века, — вывод, к которому пришла современная историография, — а в „грехах“, в той нравственной неурядице, которой, по их мнению, страдало русское общество»².

В работе автор использовал в основном хорошо знакомые ученым исторические источники: повести Смутного времени, летописные известия и т. д. Но исследователь подошел к уже известному материалу с другой точки зрения, нежели предыдущие историки. Новаторство статьи не подлежит сомнению. Яковлев предложил, используя современную терминологию, историко-антропологическое исследование, ценность которого велика и сейчас. Статья на долгие годы стала обязательным чтением для специалистов по истории Смутного времени. Насколько благосклонно научное сообщество приняло работу молодого историка, свидетельствует тот факт, что, рецензируя книгу Г.В. Плеханова «История русской общественной мысли», А.А. Кизеветтер упрекнул ее автора, утверждавшего, что Смута не повлияла на общественные настроения, в незнании статьи Яковлева. «Напрасно наш автор не посчитался с прекрасной статьей А.И. Яковлева „Безумное молчание“... где весьма тонко очерчена эволюция общественных взглядов, отразившаяся в записках современников о Смуте»³. Тем не менее те тенденции, которые проявились в данной работе, в дальнейшем не стали определяющими в его научном творчестве.

5. С.В. Бахрушин: формирование научного мировоззрения

Самым младшим представителем данной генерации московских историков был С.В. Бахрушин. Он на несколько лет позже закончил историко-филологический факультет, но с Яковлевым они стали друзьями⁴. С.В. Бахрушину также весьма помогли советы С.Б. Веселовского. Они

¹ Там же. С. 676–677.

² Там же. С. 678.

³ *Кизеветтер А.А.* Новый труд Г.В. Плеханова по русской истории // *Голос минувшего*. 1916. № 1. С. 333.

⁴ См. переписку: АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 295.